

ЛЮСЬКА, ЗАВСТОЛОВОЙ

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ИРИНА ЛЕМ

Ирина Лем

**Люська, завстоловой -
деревенский детектив. Часть 1**

«Автор»

2026

Лем И.

Люська, завстоловой - деревенский детектив. Часть 1 / И. Лем —
«Автор», 2026

Люся работает заведующей столовой в провинциальном российском городке. Однажды за обедом там умирает постоянный клиент Степан Кудинов. Люся пытается выяснить обстоятельства его смерти. Ей помогает Григорий, недавно прибывший в город детства и случайно оказавшийся на месте происшествия. Люся надеется, что смерть Кудинова была естественной. Вместе с Григорием они обсуждают различные версии, им помогает оперуполномоченный полиции Коля Колесников по прозвищу "Не шурши". Постепенно картина проясняется, но не до конца...

© Лем И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ирина Лем

Люська, завстоловой - деревенский детектив. Часть 1

Глава

– Следующая станция «Жданка»! – объявило радио раздраженным женским голосом. Видимо, надоело этой женщине повторять из года в год одно и то же... платят мало... с мужем не лады... дети не слушаются... Григорий представил ее портрет: среднестатистическая, средневозрастная дама с полными щеками, уставшими глазами и губами, забывшими про улыбку. Их множество таких проживает в малых российских городах – неудачно замужних или одиноких, ждущих свое счастье. Которое, никогда не придет для девяносто процентов – она знала, потому и объявила «Жданку» безнадежным, почти злым голосом. Для глубинки и так сойдет.

Это в Москве радио говорят приятными слуху голосами актеров и дикторов. Но Москва – отдельная страна, город-государство, как Ватикан. Там живет высшее руководство и прочие важные инстанции, потому инфраструктура и обслуживание тоже должны быть на высоте. Мало ли, Президент захочет прокатиться на метро... На выход его должны пригласить вежливо и красиво, иначе может быть расценено как плевок в первое лицо государства.

Чем дальше от центра, тем люди попроще и требования помягче. Ну и зарплаты другого масштаба, конечно. Хотя, вежливость от зарплаты не зависит, она изнутри человека идет. И даже если на душе черные кошки скребут или суровые метели завывают, не стоит делиться своей болью с миром – там этого «добра» и без тебя хватает. Ты поделись радостью, пожелай чего-нибудь хорошего – людям будет приятно, глядишь, и у тебя внутри потеплеет.

Григорий усмехнулся на собственные мысли. По интонации и трем словам целый роман в голове составил. Ну, если не роман, то страницу текста. Назовем его «Путевые заметки» – не оригинально, зато сто процентов точно. Почти у каждого известного писателя они есть: у Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», у Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка», у Чехова «Остров Сахалин». А у Григория будет «Поездка из точки А в точку Б»...

– Богородицк! – рявкнула женщина из радио и продолжила в приказном тоне: – Уважаемые пассажиры, при выходе из вагона не забывайте свои вещи.

Электричка замедлила движение, приближаясь к зданию вокзала. В крупных городах России эти здания сохранились с 50-х годов двадцатого столетия и похожи, будто сделаны под копирку. Стиль – монументальный сталинский ампи́р, Григорий их столько повидал, что сразу представил эдакого динозавра эпохи советского реализма: массивные колонны по сторонам входной двери, вверху треугольный портик с лепниной, изображающей крестьян с серпами и рабочих с молотками. До развала Союза на фасадах еще висели плакаты, прославляющие роль партии, ведущей народ в коммунизм. Потом направление движения сменилось, и плакаты сняли. А здания остались, почему бы нет? Пусть живут – свидетели времен построения развитого социализма, экспонаты музея истории под открытым небом.

За окнами электрички проплывали картины, типичные для каждой железнодорожной станции, в том числе за границей, с небольшой разницей в уровне благосостояния региона. Разница выражалась в новизне или изношенности подвижного состава, а также в чистоте или загрязненности окружающей среды. В Богородицке, среднестатистическом районном российском городке, пристанционная территория выглядела не хуже и не лучше других. Вагоны, цистерны, тепловозы, склады, семафоры, переезды-переходы... все то же самое, что в Бугульме или Берлине. Вызывающей загрязненности типа беспризорных, распадающихся на щепки

шпал, отработанных деталей в стадии металлолома, а также строительного и бытового мусора в окрестностях не наблюдалось – заслуженный плюс руководству станции.

В глазах рябило от движущейся паутины проводов и переплетающихся друг с другом рельсов. Григорий отвернулся от окна, снял с полки «старорежимный» чемодан без колесиков, забросил на плечо много испытанный армейский рюкзак и влился в поток выходящих из поезда.

На платформе на секунду задержался, задавшись вопросом «на той ли станции вышел?» Ожидал увидеть вокзал – высокий и напыщенный, источающий бравурность маршей строителей «нашего, нового мира». А увидел одноэтажное, продолговатое здание цвета подсолнуховых лучей, немного удивленно и застенчиво глядевшее на «прибывающих» и «убывающих» своими арочными окнами-глазами. Вместо помпезности и высокомерия дворца повеяло теплотой и душевностью Чеховского «Дома с мезонином».

Вверху незамысловатая надпись «Жданка».

Ждала ли Григория родина – которую он не видел полжизни?

Ждал ли ОН встречи с ней?

Прислушался к себе и констатировал: сердце не ёкнуло, ностальгическая слеза не подкапала. Полное равнодушие. Нет, скорее привычка держать эмоции в узде – в боевых условиях это важно. Впрочем, на гражданке тоже пригодится. Поставим плюстик себе за самообладание и, чтобы не задерживать сзади идущих, двинемся дальше.

Твердым, уверенным шагом, в котором угадывался действующий военный, Григорий прошел в дверь вокзала. Выслушал обычное нечленораздельное радиосообщение об отправке какого-то состава, на ходу огляделся, по привычке замечая детали, не соответствующие времени и месту.

Странностей или отклонений, вызывающих подозрение, не обнаружил, все как положено: у касс – очереди, на стульях люди с чемоданами и детьми, направо буфет, налево ресторан. В здании чисто, туалетом не воняет, цыган, попрошайек, алкашей и прочих маргинальный личностей не видать – порядок тут соблюдается, хотя полиция зримо не присутствует. Григорий подбросил на плечо рюкзак и вышел на привокзальную площадь.

Послеполуденное майское солнце бросилось в глаза, обняло его всеми своими протуберанцами и прогрело от кожи головы до пальцев ног. Приятно, конечно, но давайте без лишнего энтузиазма. Григорий остановился – теперь на «подольше»: поставил чемодан между ног, надел солнцезащитные очки, отпил воды из бутылки, сидевшей в боковом кармане рюкзака, одновременно пристальным взглядом обводил окрестности.

Привокзальная площадь осталась почти такой, какой он ее помнил, только убрали статую вождя, вытянутой правой рукой зовущего в светлое будущее, на его месте сейчас клумба с фонтаном в центре. Остальное все знакомо: конечная остановка автобуса номер пять, следующего по маршруту «Вокзал – Молокозавод», сверкающая стеклом гостиница «Тула» происхождением из семидесятых, в тогдашнем стиле «модерн» (теперь, наверное, «пост-модерн»), автовокзал – ровесник «Жданки», жилые дома довоенной постройки, несколько торговых палаток да две дороги, ведущие в глубь города.

Город детства...

Он особо не изменился за почти двадцать лет отсутствия Григория, в отличие от столицы нашей родины, откуда он только что явился. В глубинке время течет медленнее...

С чего начнем?

Начнем с «чего поесть». Григорий не ел с девяти утра, да и тогда только перекусил круасаном с чашкой кофе на Курском. В дорогу купил пару бутербродов с сыром, но не съел – сыр на жару растаял и превратился в нечто почти резиновое. Григорий еще в электричке решил не забивать желудок сухомыткой, а по прибытию «на станцию назначения», первым делом хорошенько «похавать».

Вопрос: где?

Ответ: спросить у местных. Поблизости от выхода с вокзала выстроились в ряд частные машины-такси, рядом стояли-сучали две группы водителей – бритые и бородатые. Григорий усмехнулся: каждый вид стремится к своей стае... и подошел к «своим». Выделил взглядом одного, постарше возрастом и попримечнее одетого, собрался спросить, но замялся на секунду – как обратиться: товарищ, друг, брат? Одно устарело, другое не подходит, третье звучит подзрительно. Значит, обойдемся без персоналий. Обвел глазами группу, спросил:

– Мужики, подскажите, где тут пожрать можно?

Мужики оживились, заговорили все разом, Григорий, конечно, ничего не разобрал. Обратился к тому, которого первым выделил из группы:

– Вот вы – чего посоветуете?

Мужчина окинул Григория оценивающим взглядом. Не турист, не дачник, не коренной житель. Со старым рюкзаком и еще более старым чемоданчиком в руке, похож на молодого специалиста, прибывшего в провинцию по распределению. Он и сам когда-то приехал сюда агрономом в колхоз, да прошли те благословенные времена – колхозы развалили, специалисты разбежались, чемоданы стали на колесиках катать. Этот «фрукт», вроде, из его молодости вынырнул. Надо помочь.

– Друг, тут много где есть поесть, смотря по твоим запросам и возможностям. На вокзале ресторан – дорого и невкусно. В гостинице – вкусно и дорого. Забегаловка-тошнилровка там, возле палаток – недорого и невкусно. В пивбаре – выпить и закусить...

– А хорошо покушать по нормальной цене здесь можно?

– Можно. Иди вон туда, – мужчина показал на проход между частными домами. – Столовая «Вкусная еда». Цены не задирают, а готовят так, что добавки запросишь. Они до пяти обеды предлагают. Сейчас полчетвертого. Успеешь.

***

В кабинете было жарко, не спасал ни вентилятор, включенный на самую быструю скорость, ни вдобавок к нему открытое в сад окно. Людмила Петровна Гуреева, в миру Люська-завстоловой, сидела перед компьютером и тупо пялилась в экран, время от времени смахивая пальцем капли пота, катившиеся со лба на виски. Второй час билась она над калькуляцией на следующую неделю, пытаясь рассчитать себестоимость блюд, чтобы и цены не завышать, и в трубу не вылететь. Себестоимость (по-новому и заграничному – фудкост) для столовой должен оставаться в пределах тридцати пяти процентов, но рассчитать эти чертовы проценты не получалось, хоть тресни!

Треснуть бы по клавиатуре со всей дури... да нельзя. Один раз треснула – компьютер померк и отказался включаться. Тонкая организация у него оказалась. И недешевая. Пришлось к ай-ти специалисту обращаться, деньги немалые платить, а денежки тратить впустую Люська не любила, потому и кондиционер себе не поставила, вентилятором обходилась.

Как же рассчитать эти проклятые тридцать пять процентов? Тааак... Откроем формулу ОП-1, прочитаем. Калькуляция включает закупочную цену, вес брутто/нетто, потери при обработке и наценку... Пять раз прочитала, ни слова не поняла. Мозги растаяли, обленились и не желали шевелиться от слова совершенно.

А ну его, этот фудкост на фуй! Меню составила, расчеты пусть бухгалтер делает. Люська давно хотела сама научиться, да, видно, не судьба. Во всяком случае, не сегодня. Голова устала, требует отдохнуть, отвлечься, может, пару минут соснуть – чисто чтобы избавиться от стресса и восстановить энергетический баланс, как советуют коучи из телевизора.

Восстановить не удалось. Едва Люська подперла голову рукой и прикрыла глаза, собираясь упасть в объятия Мофея, как дверь в кабинет распахнулась, громыхнув ручкой о стену. В проем не вошла, но влетела повариха Анька Доброхотова (про кличке Анка-пулеметчица),

остановилась на полном скаку перед столом заведующей и затарахтела, выплевывая слова, как пули, оправдывая прозвище:

– Он... там... ой, Люсь, ужас... что деется... вот ты... тут... а он там... и никто... и ничего... – и показывает рукой в сторону обеденного зала. Глаза бешеные, волосы растрепаны, грудь вздымается, в голосе испуг, будто она снежного человека увидела и едва от него бегством спаслась.

Люська вздрогнула, рывком поднялась и от неожиданности тоже затараторила:

– Что... кто... ты что... да вообще... пожар что ли? Говори быстро и раздельно, а то трещишь, как Трындычиха!

Получив отпор, Анька вдруг замолчала – то ли пули кончились, то ли в ступор впала. Лучшее средство привести ее в чувство – надавать по щекам, но это крайняя мера, которую можно применить, если остальные не помогут. Сначала попробовать «мягкую силу», то есть разговор. Люська сбавила тон, слегка тряхнула Аньку за плечо и спросила членораздельно:

– Ань, что случилось, объясни толком и без спешки.

– Да он... там... там...

– Кто – он? Кто там? Проверка? Полиция? Роспотребнадзор? – спросила Люська и сама испугалась картин, которые нарисовало воображение: строгие дядьки и тетки с готовым приговором в глазах бродят по столовой, вынюхивают, выискивают, выспрашивают. Вообще-то Люська больших грехов за собой не числила, но по закону подлости все может произойти – проскочит шальной таракан по стене или заблудившаяся мышь оставит катышек на самом видном месте.

Реальность оказалась ужаснее самого ее страшного страха. Анька, наконец, немного пришла в себя и прошептала заговорщическим голосом:

– Да нет же... Там он... мордой в салат... как поручик Ржевский...

– Пьяный, что ли?

– Нет, мертвый!

Мертвяков у них еще не бывало. Люська побледнела, как потолок, и без сил плюхнулась на стул. Нет, не может быть. В столовой отраву не подают, за свежестью продуктов она следит самолично. Невозможно. Анька что-то путает.

– А ты ничего не путаешь? Может, он не мертвый, а... больной... заснул просто... утомился...

– Ага – утомился. Поел салатика и кони двинул.

– Ладно, пошли проверим.

В зале стояла мертвая (тфу! слово-то какое противное) тишина, хотя находилось несколько человек. Кассирша Екатерина Мефодьевна, бывшая библиотечарша, теперь пенсионерка на подработке, опасно выглядывала из-за кассового аппарата, всегда готовая опять за него спрятаться. Танька Грачева, работавшая на раздаче вместе с Доброхотовой, стояла стоймя, как подмороженная тушка, и смотрела в зал из-за стойки со вторыми блюдами.

Люська проследила ее взгляд и внутренне содрогнулась. За столом в дальнем углу сидел мужчина: спина выгнулась горбом, лицо уткнулось в тарелку, руки бессильно повисли вдоль тела, пальцы странно скрючились. Предварительное заключение: труп. И без криминалистов ясно. Но именно криминалисты должны разобраться в причинах смерти. Хоть бы они оказались естественные, слабо понадеялась Люська и сама себе не поверила. Естественная смерть обычно расслабляет тело, а этого перекосило, перекутило и вздыбило, с чего бы?

А кто это рядом с его столом?

Молодой незнакомый мужчина стоял, уперев руки в бока, спиной к залу, закрывая возможность сделать фото – для любопытных.

Которые сидели за столом у окна. Это были две пожилые женщины в цветастых летних платьях, их белые плетеные шляпы с полями лежали на свободных стульях. Видимо, туристки-

пенсионерки, приехавшие вдохнуть богородицкой старины и культуры. Пустые тарелки на столе говорили, что они закончили обед и собирались уходить, а тут такое...

Дамы поспешно полезли в сумки за телефонами – запечатлеть событие, которое не каждый день происходит, но из-за спины и вообще всей мощной фигуры неизвестного мужчины труп как следует разглядеть и запечатлеть не удалось. Подходить не решились. Из криминальных сериалов сейчас каждому пенсионеру известно – к месту происшествия приближаться нельзя, чтобы не затоптать чужие следы и не оставить свои. Старушки смущенно переглядывались и ждали – когда их вызовут на допрос. Как свидетелей. Ничего не видели, но готовы рассказать все, что знают.

Строго зыркнув на старушек, Люська направилась к мужикам – одному живому, другому мертвому. Во втором узнала Степана Кудинова, первый был незнаком.

– Вы кто? Это вы его? Что вообще происходит?

Неизвестный повернулся и... обворожил Люську. Таких красавцев она еще не видела в жизни. Только в кино, вернее, в сериале про доктора, который вместо сна впадал в забытие и там раскрывал настоящие преступления. Нет, этот не доктор, хотя борода такая же – не едва заметная, как у модельных мальчиков, но настоящая, густая, как у бывалых мужиков. Судя по давнишнему, несмываемому загару и светлым морщинкам-трещинкам вокруг глаз, у этого профессия, требующая постоянного нахождения на улице: геолог, археолог, метеоролог, ну или какой-нибудь искатель приключений и острых впечатлений. Веяло от него романтикой дальних дорог и тягой к странствиям...

Черные глаза незнакомца глядели остро, проникали в самое нутро, достали и до Люськиного сердечка – маленького, розового, мягкого, как ягода малинка. Была та ягодка давно и, казалось, навечно заморожена: любить как следует – страстно и взаимно Люське не довелось. В школе с пятого по восьмой класс любила она тайно и безнадежно Валерку Новикова, черного, как цыган, красавца, учившегося двумя годами старше. Когда в школе на переменках переходили из кабинета в кабинет, Люська всматривалась в его одноклассников, старалась встретиться глазами с Валеркой. Встречалась, краснела и тут же отворачивалась. Больше и не было у них ничего.

Не до нее ему было – мутил-крутил с девчонками, даже с одной из Люськиного класса Ленкой Кулиной. Ленка однажды рассказывала: стояли они с Валеркой, обжимались в подъезде, у нее пуговица от лифчика лопнула со звуком. Валерка подумал – она воздух испортила, улыбнулся, сказал:

– Ты так стену пробьешь... – и обнял крепче.

Люська слушала и мечтала, чтобы ее кто-нибудь так же крепко обнял. Потом Валерка окончил десятилетку и затерялся во взрослости. Школа опустела, сердечко Люськиного замерло. Случались у Люськи романы, но всегда краткосрочно и не по любви: с ее стороны – из любопытства, по необходимости, в благодарность, а с их стороны... ну неважно.

Глаза – черные, как южная ночь, растопили ее сердечко, и заплакало оно, оттаивая. А плечи... за такими плечами Люська пошла бы на край света...

Но не сейчас. И не завтра. И вообще. Она замужем. А главное – толстая, и это ее главный комплекс неполноценности.

Хотя здесь, в столовой она – главная, а все комплексы пошли бы... далеко и глубоко.

– Вы что здесь делаете? – спросила еще раз у незнакомца тоном начальника, но голос дрожал, и начальник не особо получался.

– Я здесь обедал, – ответил незнакомец и своим спокойным, низковатым голосом еще больше очаровал Люську. – Кстати, рассольник был выше всяких похвал. Если вы повар, то большое спасибо.

– Ой, приятно слышать, спасибо и вам, – начальник из голоса исчез, появилась ученица, которую похвалили за пятерку. – Нет, я не повар. Я меню составляю и слежу, чтобы рецептура соблюдалась. Завстоловой Людмила Петровна. А вы кто?

– Я Григорий. Можно без отчества. Приехал по личным делам.

– Вместе со Степаном? Знали его?

– Нет, данного товарища, – показал глазами на Степана, – по имени не знаю, но точно знаю, что он мертв. Пощупал артерию на шее. И встал прикрыть его от фотосессии. – Качнул головой в сторону старушек.

– Спасибо еще раз.

Твердый голос и открытый взгляд Григория внушали доверие. Конечно, он мог оказаться мошенником, но Люська вообще была не подозрительна, к тому же с детства страдала доверчивостью. Не той, глупой доверчивостью, заставляющей по голосу из телефона переводить сбережения на «безопасный счет». Нет, прежде всего она доверяла себе и собственной интуиции. Чтобы поверить человеку, ей нужно было посмотреть в глаза, постоять рядом, ощутить его флюиды.

От Григория исходили флюиды мощи, уверенности и доброты. Хоть бы он не спешил по делам, согласился остаться, поддержать ее морально – разговором или хотя бы присутствием, она бы предложила ему... подарила бы... годовой бесплатный абонемент на обед с возможностью двух добавок.

– И что с ним теперь делать? – Люська беспомощно развела руками. – У вас нет опыта в подобных случаях?

– Есть. Я офицер, сейчас в отпуске. Подробности не будет, верьте на слово. Не беспокойтесь, я вам помогу. Но сначала, может, перейдем на «ты»? Для простоты общения.

– Конечно. Меня можно просто Люся.

– А меня Гриша. Так вот. В любых подозрительных случаях смертей первым делом надо вызвать полицию и ничего не трогать до прибытия следственной бригады.

– Что-то страшно звучит. – Люська моментально представила бригаду: серьезные люди с чемоданами, перчатками, пистолетами и, конечно, наручниками. Сейчас они придут и первым делом арестуют ее, только потом приступят к выяснению обстоятельств.

Внутренне вздрогнув, Люська сказала противным просительным тоном:

– Гриш, а нельзя без этой вот, следственной бригады? Зачем она. Его же никто не убивал, это ясно.

– Ничего не ясно. Наоборот. Имею подозрение, что в смерти его не все чисто.

– В каком смысле? Он же не зарезан, не застрелен...

– Думаю – отравлен. Сама видишь – тело сведено судорогами. Что на самом деле произошло, выяснят специалисты.

– Да-а-а, когда еще они выяснят. Сначала меня – за шкуру и в кутузку.

– Люсь, не бойся. Я пообещал помочь, значит, помогу. Если не виновата...

– Да конечно не виновата! Зачем мне его убивать-то? К тому же в моей родной столовой. Сплетни пойдут, ко мне ни одна собака обедать не придет, – проговорила Люська со вздохом и всхлипом. Пытавшиеся пролиться слезы остановила волевым усилием – не до них сейчас, после поплачет, если время будет и никого рядом не будет. Сейчас надо показать стойкость и выдержку, иначе неловко перед персоналом и... Григорием.

– Гриш, а можно глупый вопрос? – вдруг вырвалось почти против ее воли.

– Давай. Обожаю глупые вопросы.

– А правда, что поручик Ржевский умер лицом в салат?

Григорий внутренне улыбнулся – молодец, девчонка, не раскисает.

– Кто сказал?

– Анька.

– Ну-у-у... я в фольклоре не очень силен. По-моему, гусары умирали на войне или не дуэлях, а в салат падали, когда шампанского перепьют. Если не в салат, то под стол.

– Ой, что ж мне будет за этого гусара, черт бы его побрал, – опять вздохнула Люська. – Сплошная чертовщина. Для меня понедельник тринадцатое число хуже пятницы тринадцатого. В калькуляцию так и не въехала, машину за молочкой на завтра заказать забыла, вдобавок труп образовался ни оттуда, ни отсюда...

– Успокойся. Разберемся. Уладим. Как говорил наш ротный: и не такие метели в хлебало летели. Я верю, ты ни сном, ни духом не причастна к этому вот. Сказал – в обиду тебя не дам, значит не дам. Я за слабых и невиновных всегда горой. – Григорий легонько сжал Люськино плечо. – Звони в полицию. Телефон есть?

– Есть. И знакомый полицейский есть. Коля «Не шурши»... то есть Колесников – старший лейтенант, почти капитан. Мы с ним в одном классе учились. Он сейчас в линейном отделе на вокзале работает.

– Вот и отлично. Ты звони, а я выпровожу тех бабулек, чтобы не мешались под ногами. Персонал пусть останется для выяснения деталей.

***

В ожидании полицейских Григорий сидел за свободным столиком, потягивал из лонг-дринка местную минеральную воду «Краинка № 1» и время от времени поглядывал на часы над линией раздачи. Через двадцать две минуты в дверь вошел парень с кудрявым русым чубом, ясными голубыми глазами, в джинсах не первой свежести и сандалиях на босу ногу. Рубашка с гавайскими пальмами была не застегнута и болталась, как распашонка, открывая грудь в рыжих кудряшках.

Заблудший клиент?

Люся бросилась встречать.

– Коля!

– Я за него! – весело ответил Колесников, будто не на труп явился, а на вечеринку. – Та-а-ак, кто у нас тут преставиться изволили? А. Да это же Степка Кудинов. И когда произошло это великолепе... то есть прискорбное событие? Кто-нибудь в памяти запечатлел? Никто? Жаль. Какие версии? Никаких. Что ж. Будем смотреть и строить догадки.

– А где бригада? – Люсе удалось вставить вопрос в поток его словоизлияний.

– Бригады нет и не будет. Срочный вызов. На Хопре мигранты... то есть граждане из бывших братских республик решили выяснить отношения. Выяснили. Со смертельным исходом для двоих. Туда и отправилась наша бригада во главе со следователем Пушкиковым, а меня на хозяйстве оставили. Только собрался подшить в папку протоколы и объяснения со вчерашней кражи, как ты, Люсь, позвонила. Машин свободных нет, пришлось пешком до вас идти.

Почти четверть часа затратил. Хорошо, погода хорошая, а то бы дольше добирался. Но лучше здесь, чем там. Свиридов звонил, обстановку докладывал. Говорит: там вообще столпотворение. Прямо международный скандал. Народу понаехало! Полицейские, медицинские, из администрации, адвокатуры, диаспор... Вот вы мне скажите – куда девалась дружба народов?

Риторический вопрос, Григорий задал практический:

– Что такое Хопёр?

– Это наш старейший рынок в городе, – ответил Коля и вдруг уставился на Григория. – А вы, собственно – кто?

– Я почти как вы. Прибыл на побывку из мест не столь отдаленных.

– Из горячих точек, значит, – кивнул Коля, удовлетворившись размытым ответом. – Понимаю и дальше не спрашиваю. Загар южный, выправка строевая. Нашего полку прибыло! Рыбак рыбака издали видит и не обидит. – Коля провел правой ладонью по брюкам, очевидно вытирая пот, и протянул руку для знакомства. – Николай!

- Григорий. – Пожал руку.
- Нормально, Григорий!
- Отлично, Николай!

В старой советской репризе звучало «Отлично, Константин!», но и «Николай» подошло. Оба рассмеялись, хотя смех в присутствии покойника нарушал какой-то древний, неписанный закон и вносил в обстановку нелогичность, неловкость. Анна и Татьяна, сидевшие рядышком, синхронно вздрогнули, Люся вздохнула, высоко приподняв грудь. Она стояла в сторонке и нервничала. Если Коле не напомнить – зачем приехал, он целый день проболтает и уйдет, повесив на нее процедуры по перевозке и оформлению трупа. Так уже один раз произошло, когда местный алкаш Витька Авилов лег и тихо помер – перед дверью в столовую, где его не сразу нашли.

– Коля... – начала она.

Коля перебил:

– Люсь, дай сначала попить чего-нибудь холодненького. Можно со льдом. Кваса желательнее, он меня бодрит.

Получив квас в пузатой пивной кружке, Коля принялся ходить кругами и окатывать присутствующих водопадом слов, сквозь который никто не решался пробиться. Рассказывал, в основном, про себя: на Первомай сутки дежурил и даже не выпил «ни полстопочки», зато на другой день «оторвался», когда ходил «с ребятами» жарить шашлыки на берегу Упёрты, восьмого-девятого мая копали огороды под картошку подшефным пенсионерам, вчера отдохнуть не удалось – вызвали на воровство кошелька у пассажирки электрички.

Не только язык, но и весь хозяин находился в постоянном движении: мельтешил ногами, даже когда стоял, мотал головой, разглядывая труп с разных ракурсов, пожимал плечами, будто перебирал про себя возможные причины смерти. И когда, поставив пустую кружку, сунул «руки в брюки», продолжал шевелить пальцами, будто шарил сам у себя в карманах. За вечное движение его и прозвали «Не шурши».

– Думаю, криминала в этом деле нет, – наконец вынес вердикт Коля. – Сейчас по-быстрому наделаю фоток для следака, вызову труповозку, заберу продукты со стола, отвезу на экспертизу Лютому.

– Лютову, – механически поправила Люся.

– Это одно и то же. Если он ни в продуктах, ни в теле ничего смертельного не найдет, не надо будет даже дело открывать. Пушкову меньше работы. У него и без того завал, еще с этой заварушкой между дружественными народами... Он давно грозился в адвокатуру перейти, кто тогда дела будет расследовать – Пушкин, что ли...

Причитая и приговаривая, Коля принялся делать именно то, для чего его пригласили. Григорий следил за каждым его движением, ни слова не говоря, ни к чему не прикасаясь – чтобы не вмешиваться в чужую профессиональную область и не оставлять своих следов. Люся следила за его манипуляциями немного заторможенным взглядом, ей уже было все равно – сначала предъявят обвинение или сразу посадят, лишь бы поскорее все кончилось.

Кончилось где-то к шести вечера и обошлось без каких-либо эксцессов за исключением одного незначительного и вполне естественного случая. Когда санитары укладывали труп в чрево черного полиэтиленового мешка, Анна тихо охнула и упала бы, если бы Григорий не подставил вовремя стул.

Опросить ее не представилось возможным, да и не посчиталось нужным: события преступления как такового не наблюдалось, лишние телодвижения никому не нужны, инициатива, как известно, наказуема. Коля попросил поварих не подходить близко к месту происшествия, разложил по пакетикам еду со стола Кудинова, нашелкал телефоном фоток с разных ракурсов и устало плюхнулся на стул.

– Люсь, у вас осталось еще что-нибудь пожрать? Я ж так и не пообедал из-за вас... то есть из-за Степки.

– Да, конечно, сейчас принесу. Рассольник будешь?

– Буду.

– Тань, принеси Коле супчику, – крикнула Люся на кухню, где возилась Грачева, раскладывая оставшуюся еду обратно по кастрюлям.

На столе перед Колей тут же появилась не тарелка, но приличного размера салатница, наполненная почти до краев – чтобы два раза не ходить туда-сюда, не наливать. Нестоловская щедрость замечалась в консистенции рассольника – меньше воды, больше ингредиентов, виднелись и кусочки мяса, и овощи горкой. Татьяна даже успела петрушкой присыпать для красоты и аппетитности. По всему видно: Коля – клиент особой важности, к нему и отношение соответствующее.

Неспешно, с прихлебыванием и довольным мычанием ел Коля, потом еще облизнул ложку, тщательно вытер губы салфеткой, откинулся на стуле, масляным взглядом обвел заведующую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.